

Б. Н. ФЛОРЯ

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Поставленная в заголовке этой статье тема не занимала важного места в исследованиях о жизни и творчестве Крижанича. Исследователей XIX в. хорватский мыслитель обычно интересовал в двух аспектах: как представитель "славянской идеи", автор первых проектов преодоления культурной отсталости славянских народов и их освобождения от иноземного ига, либо как смелый критик жизни русского общества накануне петровских преобразований. Его конкретные взгляды на внешнюю политику Русского государства оставались при этом на втором плане. Характерно, например, что такой глубокий для своего времени знаток внешней политики России, как С. М. Соловьев, давая в своей "Истории" общую характеристику взглядов Крижанича, не нашел нужным ничего сказать о его рекомендациях, касавшихся как раз этой стороны дела.¹ Исследователей, которые все же так или иначе касались этой проблематики, можно разделить как бы на две группы. Одну группу исследователей интересовали не внешнеполитические проекты Крижанича сами по себе, их анализ должен был помочь ответу на вопрос, очень волновавший исследователей второй половины XIX — нач. XX в.: кем был в первую очередь Крижанич: славянским патриотом или католическим миссионером. Исследователи, которые, как С. А. Белокуров, придерживались второй точки зрения, обращаясь к проектам Крижанича, пытались утверждать, что они представляли собой опыт дальнейшей разработки составленного Крижаничем в молодости, в 1641 г., плана обращения России в католицизм.² В интересующем нас аспекте убедительное решение вопроса предложил еще в рамках буржуазной историографии В. Вальденберг, показавший наличие принципиальных различий по содержанию между запиской 1641 г. и проектами, составленными в период пребывания хорватского мыслителя в России.³ Естественно, что такой подход не обеспечивал всестороннего

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VII, М. 1962, с. 154—162.

² Содержательный обзор взглядов различных исследователей по этому вопросу см. во вступительной части книги В. Вальденберга. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912, с. 1—36.

³ Вальденберг В. Государственные идеи..., с. 334—337. См. также: Гольдберг А. Л. "Идея славянского единства" у Юрия Крижанича. — Труды отдела древнерусской литературы, т. XIX, М.—Л., 1963, с. 384—386.

анализа взглядов Крижанича, так как исследователей интересовала не система его взглядов, а лишь отдельные моменты, показательные для определения его религиозной принадлежности. Выборочный подход характерен был и для исследователей, специально обращавших внимание на внешнеполитические проекты Крижанича, так как их интересовали прежде всего те аспекты его взглядов, которые оставались актуальными во второй половине XIX в.: например, высказывания о возможном решении "восточного вопроса" или рекомендации о политике по отношению к народам окраин.⁴

Этот избирательный подход наложил известный отпечаток и на обобщающее (и фактически подведшее итоги деятельности русской буржуазной историографии) исследование В. Вальденберга, в котором анализу взглядов Крижанича на внешнюю политику России был отведен особый раздел.⁵ Вопрос, например, о политике России по отношению к народам Сибири рассмотрен в нем с большей полнотой, чем советы Крижанича о политике в отношении к Польше и Швеции. В целом, очерк Вальденберга, который до сих пор остается единственным опытом специального рассмотрения взглядов Крижанича на внешнюю политику России, означал крупный шаг вперед в изучении темы. Здесь по существу впервые была проделана работа по сбору и систематизации высказываний Крижанича, как содержащих оценку современного ему состояния отношений России со своими соседями, так и дававших рекомендации по их изменению. Вместе с тем, поскольку речь шла о первой специальной попытке такого рода, налицо ряд упущений в рассмотрении проблематики. Один из таких недостатков — неравномерность освещения предмета уже был отмечен выше. Более существенным представляется другое. Конкретные предложения и рекомендации Крижанича Вальденберга, как историка права, интересовали прежде всего, как материал для восстановления мировоззрения Крижанича, системы понятий, лежавших в основе этого мировоззрения. Такой принцип подхода к материалу не всегда позволял автору вскрыть противоречия между конкретными оценками и заключениями Крижанича и его итоговыми выводами и рекомендациями. Если во многом стало ясно, какую совокупность рекомендаций Ю. Крижанич адресовал русскому правительству, то не были раскрыты в полной мере мотивы, побуждавшие мыслителя рекомендовать именно такие, а не иные меры.

Очерк Вальденберга так и остается до сих пор единственным специальным исследованием, посвященным анализу внешнеполитических проектов Крижанича. В советской историографии с 40—50-х гг. активно обратившейся к изучению наследия Крижанича, на первом плане оказался вопрос о социальном содержании взглядов мыслителя, об объективном характере выдвинутой им программы преобразований русского общества, а его внешнеполитические проекты специального внимания к себе не привлекали. Не привлекли они

⁴ Брикнер А. Ю. Крижанич о восточном вопросе. — *Древняя и новая Россия*, 1876, № 12; Бережков М. Н. План завоевания Крыма, составленный Ю. Крижаничем. — *Журнал Министерства Народного Просвещения*, 1891, октябрь — ноябрь; Вальденберг В. Русская окраинная политика в XVII в. — *Окраины России*, 1911, № 44.

⁵ Вальденберг В. Государственные идеи..., с. 307—343.

особого внимания и зарубежных исследователей. Пожалуй, лишь в двух обобщающих работах о Крижаниче, статье советского исследователя А. Л. Гольдберга и в монографии польского слависта М. Франчица данная тема была затронута, но не в плане реконструкции системы взглядов Крижанича. Обоим исследователям интересовало соотношение между рекомендациями Крижанича и реальным курсом русской внешней политики второй половины XVII в.⁶⁻⁸ Разыскания В. Вальденберга относительно взглядов Крижанича на внешнюю политику России не получили в этих работах продолжения.

Охарактеризованное выше состояние проблематики определяет основную задачу статьи: реконструкция — (во всей их противоречивости и сложности), взглядов Крижанича на задачи, стоявшие перед Русским государством во второй половине XVII в. и те конкретные пути, которые вели к их решению. При этом будет, уделено особое внимание выявлению мотивов, побуждавших хорватского мыслителя предлагать русскому правительству те или иные задачи или меры. В рамках статьи будут рассмотрены прежде всего взгляды Крижанича на взаимоотношения с главными южными и западными соседями России — Швецией, Османской империей и Речью Посполитой.

Переходя к анализу конкретных предложений Крижанича, следует сразу же констатировать, что хорватский мыслитель некоторые свои основные положения сформировал с такой четкостью, что их понимание никогда не вызывало споров среди исследователей. Действительно, свой главный совет русскому правительству Ю. Крижанич формулирует с предельной и не вызывающей сомнений ясностью. "Сему кралевству, — говорит он о Русском государстве, — годят рубежи ширить к Югу, а не к Северу, нить к Востоку, нить к Западу"⁹ Царь, по его мнению, должен сохранять мир со всеми соседями, и "вся свои силы" обратить на "добывание Перекопския державы",¹⁰ т. е. Крымского ханства. Эти высказывания Крижанича были давно уже отмечены исследователями, но важно внимательно проанализировать ту аргументацию, которой он обосновывал данные положения.

Разбор рекомендаций Крижанича о сохранении мира и добрососедских отношений с западными соседями Русского государства — Речью Посполитой и Швецией имеет смысл начать с последней, поскольку по отношению к Шведскому королевству его советы этим и ограничиваются.

Аргументация Ю. Крижанича в обоснование его советов сводится к трем группам соображений. Во-первых, у Русского государства нет причин для войны со Швецией.¹¹ Это положение Ю. Крижанич, впрочем никак не обосновывает. Во-вторых, если бы Русское госу-

⁶⁻⁸ Francić M. Juraj Križanić — ideolog absolutyzmu. Warszawa, Kraków, 1974, s. 37, 96—97, 118. Goldberg A. L. Juraj Križanić i Rusija — Historijski zbornik, t. XXI—XXII, 1968—1969, s. 273—274.

⁹ Русское государство в половине XVII века. Изд. П. А. Безсонова, Т. II, М., 1860, с. 117.

¹⁰ Там же, с. 120.

¹¹ Русское государство..., т. II, с. 117.

дарство и начало войны со Швецией, то оно не смогло бы добиться каких-либо существенных выгод для себя: северные земли "студены, блатны, неплодovitы", кроме того, ими было трудно овладеть, так как здесь "грады крепко утвержены, и люди валечны и огненной стрельбою ... давно справны", наконец, если бы русским войскам и удалось занять какие-либо земли, то все равно их не удал сь бы удержать в составе Русского государства, так как северные народы "великою мерзостию ненавидат Руское владание".¹² В-третьих, Швеция не представляет для Русского государства серьезной опасности: со Швецией всегда можно сохранить мир,¹³ в частности, потому что страна нуждается в подвозе русского хлеба,¹⁴ а если бы шведы и начали войну, то не могли нанести Русскому государству большого вреда:¹⁵ сами шведы "косны и тяжелы", их страна слабо заселена и не сумеет выставить большую армию, а также находится далеко от главных центров Русского государства и потому не сможет заключить против него союз с Крымом и Османской империей.¹⁶ Из-за своей удаленности и военной слабости Шведское королевство также не представляет для России ценности, как союзник. Поэтому по отношению к нему следует ограничиться сохранением мирных отношений.

Уже разбирая эту часть высказываний Ю. Крижанича, нетрудно отметить наличие в них логических противоречий — в одной плоскости рассуждений Швеция оказывается — сильной, в другой — слабой в военном отношении страной. Еще более разительные противоречия обнаруживаются при сопоставлении этих аргументов со всей суммой высказываний Крижанича о Шведском королевстве и русско-шведских отношениях. Уже М. Н. Березков в XIX в., констатируя утверждение Крижанича, что у Русского государства нет причин для войны со Швецией, выразил, по йтому поводу свое удивление: ведь в начале XVII в. шведскими феодалами были захвачены русские земли у побережья Балтийского моря.¹⁷ Между тем, этот факт был Крижаничу, несомненно, хорошо известен. В ряде мест "Политики", доказывая положение о том, что нельзя полагаться на иностранных наемников, он подробно говорит о действиях шведских войск, присланных на помощь Василию Шуйскому, которые воспользовались положением, чтобы захватить Новгород и другие русские города.¹⁸

Все это как-то можно было бы понять, если бы Крижанич полагал, что к середине XVII в., когда писалась "Политика", характер отношений изменился, и шведское правительство заняло дружественную позицию по отношению к России. Однако хорватский писатель был уверен в обратном. С "немцами", а к их числу автор причислял

¹² Там же, с. 117—118.

¹³ "аще их ... не раздражим, всегдашний мир можем от них имать". (Русское государство, т. II, с. 118).

¹⁴ Там же, с. 196.

¹⁵ "от сведений никакова велика погрома или земли опущения (т. е. опустошения) — Б. Ф.) бояться не маем" (Там же, с. 196, ср. с. 82).

¹⁶ Там же, с. 119, 196—197.

¹⁷ Березков М. Н. План завоевания Крыма ..., с. 103.

¹⁸ Крижанич Ю. Политика. Подг. к печати В. В. Зеленин. Перевод и комм. А. Л. Гольдберга. М., 1965, с. 149—153.

и Шведов, "не может быть искреннего союза, а, если бы такой и был заключен, то не мог бы быть постоянным и для нас полезным".¹⁹ Другие высказывания еще более определены. Так, Ю. Крижанич прямо отмечает в двух местах своего труда, что именно шведская политика мешала заключению нужного Русскому государству союза с Речью Посполитой.²⁰ В другом разделе "Политики", говоря о склонности "чужеземцев" обманывать русских и навязывать им невыгодные соглашения, он ссылается в качестве примера на последние договоры между Русским государством и Швецией.²¹

Обращает также на себя внимание, что в своих рекомендациях о политике по отношению к Швеции Крижанич обошел молчанием крайне существенный для оценки перспективы отношений между государствами вопрос о характере экономических связей между ними. Между тем ко второй половине XVII в. именно этот аспект во взаимоотношениях России и Швеции стал все более выдвигаться на первый план. Как известно, захват шведами русских земель на балтийском побережье потому имел такие значительные негативные последствия для Русского государства, что благодаря ему была упрочена шведская монополия на посредничество в торговом обмене между Россией и странами Западной Европы через Прибалтику. С расширением и углублением экономических связей между западноевропейскими странами и Россией вред, наносившийся этой монополией, становился все более ощутимым, а ее ликвидация (или хотя бы ослабление) стала все более осознаваться, как одна из важнейших задач русской внешней политики.

Умолчание Крижанича об этом аспекте русско-шведских отношений приобретает определенное значение, если учесть, что хорватский мыслитель прекрасно представлял себе, что такое монополия на торговое посредничество и какие огромные доходы она может приносить ее обладателю. Так, у него находим весьма выразительное утверждение, что жители Гданьска, обладавшие, как сам Крижанич отмечает, такой монополией (на торговое посредничество между Речью Посполитой и странами Западной Европы), "богатеют без меры и без дна ежегод".²² В предложенных реформатором проектах улучшения экономического состояния Русского государства и пополнения государственной казны также большое место отведено доказательствам необходимости установления русской монополии на торговое посредничество между странами Западной Европы и странами Востока.²³ В этих условиях умолчание о шведской монополии и о том вреде, какой она приносит Русскому государству, трудно расценить иначе, как намеренное.

Впрочем, в "Политике" можно обнаружить высказывания, которые определенно показывают, что Крижанич считал экономические отношения между Россией и Швецией неправыми, невыгодными для Русского государства. Так, оценивая пункты русско-шведских договоров, по которым русским купцам предоставлялось

¹⁹ Русское государство, т. II, с. 83.

²⁰ Там же, с. 82, 194.

²¹ Политика, с. 167; Вальденберг В. Государственные идеи..., с. 187.

²² Политика, с. 131.

²³ Политика, с. 24—25, 30—31. Francić M. Juraj Križanić..., s. 94—95.

право свободной торговли в Швеции, а шведским в России, он оценивал это равенство условий, как фикцию, так как русские купцы не имеют больших кораблей и не обладают опытом плавания на море, и, следовательно, не могут использовать формально предоставленных им возможностей, в то время как купцы Шведского королевства широко используют эти условия договоров для проникновения на русский рынок.²⁴

Противоречия во взглядах Крижаннича станут еще более ощутимыми, если принять во внимание, какое место занимает тема: "славяне и море" в нарисованной им картине исторического развития славян. В ней тема устранения славян от морей немцами занимает существенное место среди предложенных хорватским писателем объяснений причин упадка и отставания славянских народов. При этом он прежде всего говорит именно о Балтийском море, которое по его убеждению, стало теперь Немецким, а было раньше Славянским. Постепенно проникнув во все видимые порты на балтийском побережье, такие, как Гданьск, Торунь, или города Поморья, чужеземцы "не силою, но облудами" овладели всеми этими портами и морской торговлей, и "нас (т. е. славян — Б. Ф.) от моря и от великих судовосных рек в широкое поле земли орать загнали".²⁵

После такой явной констатации, что удаление от Балтийского моря является серьезным препятствием на пути исторического развития славянских народов, тем более неожиданным звучит конечный вывод, вполне согласующийся с приведенными выше рекомендациями о необходимости сохранения мирных отношений со Швецией: "А об Поморской, Силезской, Ческой и Моравской землях и об Приморских градах, об Хамбургу, Любеку, Гданьску, Риге... сие и даромно дело быть мыслить об добывании оных держав", следует "заверчь прочь думы об Варяского моря державах и пристанях".²⁶

В чем же следует искать объяснение такого ряда острых противоречий во взглядах мыслителя?

Разумеется, для него, как хорватского патриота, главное значение имела борьба с Османской империей, которая в перспективе должна была привести к освобождению южных славян от османского ига, а, как политик, он считал невозможным вести борьбу сразу на нескольких фронтах.²⁷ Однако такое убеждение могло бы заставить отнестись вопрос о выходе к Балтийскому морю к числу проблем второго плана, не первоочередных, между тем как Крижаннич решительно исключил его вообще из круга проблем русской и, говоря условно, будущей общеславянской политики.

Думается, конечное объяснение отмеченного парадокса может дать анализ подхода Крижаннича к проблеме взаимоотношений славян с "чужеземцами", прежде всего — немцами. Большое место, уделенное писателем этой теме в своих сочинениях, позволяет предста-

²⁴ Политика, с. 149, 167—168. Русское государство..., т. II, с. 189. Это утверждение далеко не в полной мере соответствовало действительности, для нас здесь важно, однако, как оценивал положение сам Крижаннич.

²⁵ Политика, с. 171; Русское государство..., т. II, с. 114—115.

²⁶ Русское государство..., т. II, с. 116.

²⁷ Русское государство, т. II, с. 124; "Да николи не заведем рати з двома или со многами врагами в друг и в разных странах".

вить себе его взгляды с достаточной ясностью.²⁸ Рассматривая вопрос о причинах упадка самостоятельной государственности у большей части современных Крижаничу славянских народов, хорватский мыслитель пришел к выводу, что главной причиной упадка было губительное воздействие на славян проникавших на их земли и поселявшихся среди них "чужеземцев". Отсюда, высказываемое с особой силой в целом ряде мест его труда убеждение, что для сохранения самостоятельности единственного подлинного славянского государства — Русского — следует удалить с его территории всех иноземцев и установить целую систему мер против их проникновения. Иноземцев, — писал он, — следует как можно меньше (и лишь в случае крайней необходимости) допускать в страну и отправлять их вон, как можно скорее.²⁹ Вечной истиной, — заявляет он в другом месте, — является то, что, если какой-либо народ смешается с другим, то он не сохранит своего государства.³⁰ Все эти представления очень существенно влияли на отношение Крижанича к решению "балтийского вопроса", так как по его убеждению, в значительной мере соответствовавшему в данном случае действительным фактам, на всем балтийском побережье имелось значительное немецкое население, а местные славяне "упали в Немецкую область и в срамную работу, и понемчиши сѹтся, тако да сада несуть нить словенцы, нить немцы".³¹ К чему же в этих условиях могла бы привести победоносная борьба Русского государства за выход к Балтийскому морю, как не включению в состав Русского государства большого количества немецкого (и онемеченного) населения, что в соответствии с теорией Крижанича имело бы для судеб русской государственности самые пагубные последствия.

О крайней опасности, которую несет славянам (а в том числе и русским) победа над "инородниками" и подчинение заселенных ими территорий, Крижанич высказался в "Политике" с предельной остротой (ввиду важности этого места для понимания всего предшествующего приводим его в транскрипции оригинала): »Táko nášim ľuďem pňogokrát biázce kotistnée neznát ob inoródnikeoh, něze yich poborít i obladat grádi nyichowije i gde dlyaradi Lépoti i Chitrosti poborenik i poborftelyem zapowedát naczináiut.«^{32—34}

Уже первые исследователи сочинений Крижанича отметили, что главное место во внешнеполитической концепции Крижанича занимала идея русско-польского союза. Аргументы в пользу прекращения войны между Россией и Речью Посполитой и заключения союза между ними заполняют собой ряд разделов "Политики". Они весьма разнообразны по содержанию — от конкретно-политических (бесперспективность войны при равновесии сил сторон) до общетеоретических (по настоящему крепкими бывают лишь союзы родственных между собой народов). Аргументы эти были в свое время

²⁸ Подробнее о взглядах Крижанича на проблему отношений славян с чужеземцами см.: Frančić M. Juraj Križanić..., s. 115—116.

²⁹ Политика, с. 301.

³⁰ Там же, с. 305.

³¹ Русское государство..., т. II, с. 114.

^{32—34} Политика, с. 173.

собраны и проанализированы В. Вальденбергом.³⁵ Аргументы эти по большей части не оригинальны и встречаются (с той или иной степенью полноты) в сочинениях и русских, и польских сторонников союза. Для выяснения общей концепции Крижанича гораздо более показательным является не сам тезис о желательности союза между Россией и Речью Посполитой, а то какие внешнеполитические задачи и как именно должен решать этот союз.

Главной и первоочередной политической задачей, осуществления которой, по мнению Крижанича, должна были добиваться соединенные политическим союзом Русское государство и Речь Посполитая, было завоевание Крымского ханства. Писатель разработал и конкретные рекомендации для достижения этой цели, изложенные им в специальном разделе "Политики". Разбиравший эти рекомендации еще в XIX в. М. Н. Бережков обратил внимание на одну их особенность: Крижанич рассматривал борьбу за Крым, как локальную войну с крымцами, не придавая серьезного значения возможности вмешательства в эту борьбу Османской империи, вассилом которой, как известно, было Крымское ханство.³⁶ Действительно, отвечая на утверждение воображаемого оппонента, что война с Крымом неизбежно превратится в войну с Турцией, Крижанич допускал возможность того, что султан пожелает оказать помощь Крыму, но явно полагал, что эта помощи не сможет оказать серьезного влияния на ход борьбы.

Эту свою позицию Крижанич аргументировал следующими двумя соображениями. Во-первых, османы могут прийти на помощь Крыму лишь двумя путями: либо через "Поднепровскую Украину", но здесь их встретят и не пропустят войска Речи Посполитой, либо по восточному побережью Черного моря, но здесь их не пропустят "горские черкасы", а также — персы. Во-вторых, османы не смогут вести войны в суровых климатических условиях севера ("не беху стерпели русских мразов"), а главное, у них много проблем в других местах.³⁷ Что касается первого из этих соображений, то еще М. Н. Бережков отметил, что обладая большим флотом на Черном море, Османская империя располагала гораздо более широкими возможностями помощи Крыму, чем это предполагал Крижанич.³⁸ Что касается второго, то оно было скоро убедительно опровергнуто самой жизнью. Характерно, однако, что Крижанич упорно продолжал говорить о том, что Османской империи не выгодна война на севере и она не заинтересована в укреплении своих позиций в Восточной Европе, и когда османское вторжение на Украину уже стало фактом. Так, в "Толковании исторических пророчеств" можно прочесть, что земли на севере османам вовсе не нужны: "аще бы им кто сие страны в дар подал, не пришли бы они из оных теплых и богатых стран симо пребывати". По его мнению, весь возникший конфликт — результат действий "здесьних изменников", П. Дорошенко и его сторонников. Поскольку они отделились под покровительство султана, то

³⁵ Вальденберг В. Государственные идеи..., с. 324—325.

³⁶ Бережков М. Н. План завоевания..., с. 115.

³⁷ Русское государство..., т. II, с. 131.

³⁸ Бережков М. Н. План завоевания..., с. 115.

он не может оставить их без помощи, но на деле "не с правою охотою подвигнется на сию рать". Вообще, Мехмед IV "или юже покал яєст и от злочачатого подвига престал или ... скоро хоцет и не рад престаи".³⁹ Через несколько лет после того, как были написаны эти строки, османские войска стояли уже под Читгирином.

Не нужно долго доказывать утопичность представлений Крижанича об османской политике и интересах Османской империи, но для правильного понимания его взглядов следовало бы выяснить, как сложились у него такие представления и почему он их так упорно держался вопреки реальным фактам.

Что касается первого вопроса, то представляется, что соответствующие представления сложились у Крижанича во время его пребывания в Речи Посполитой в середине 40-х гг. Тогда по инициативе короля Владислава на сеймах неоднократно ставился вопрос о наступательной войне именно и только против татар,⁴⁰ а великий коронный гетман С. Конецпольский подготовил проект завоевания Крымского ханства совместными силами России и Речи Посполитой.⁴¹ В 1645—1647 гг. вопрос о союзе против Крыма и наступательной войне против него стал предметом переговоров между Россией и Речью Посполитой, завершившихся соглашением о совместных действиях против татар при сохранении мирных отношений с Османской империей.⁴² Как свидетель и участник переговоров (а, вероятно, в еще большей степени разговоров на эту тему) Крижанич мог легко усвоить себе и конкретное содержание планов, выдвигавшихся политиками из окружения Владислава IV и убеждение в реальности замысла наступательной войны с одним крымским ханством. Однако при этом следует иметь в виду, что, выдвигая подобные планы, Владислав IV и его приближенные просто обманывали шляхту, рассчитывая таким образом вовлечь Речь Посполитую именно в большую войну с Османской империей.⁴³ Таким образом, хорватский писатель, заимствовав у польско-литовских политиков определенный политический план, уверился в его реальности, осуществимости больше, чем сами его авторы.

Настойчивость, проявленная Крижаничем в отстаивании своего плана, как реального и осуществимого, его нежелание считаться с противоречащими этому плану фактами, думается, следует объяснить прежде всего тем, что, как представляется, положение о возможности локальной войны с татарами очень удачно вписывалось в политические планы Крижанича, связанные с созданием и укреплением русско-польского союза.

По-видимому, ему представлялось, что именно на почве совместной войны (и войны удачной!) против татар как раз возможно сбли-

³⁹ Крижанич Ю. Собрание сочинений, вып. 2, М. 1892, с. 47—48.

⁴⁰ Czerniak W. Planu wojny tureckiej Władysława IV. Kraków, 1895, s. 33, 159, 175, 223—224, 273.

⁴¹ Ibid., s. 68—70.

⁴² Ibid., s. 54—57, 85—87, 293. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., 1948, с. 330—331, 363—367.

⁴³ В доверительной беседе Владислав IV прямо говорил французскому послу, что "война против татар и турок — это одно и то же", нападение на татар заставит Османскую империю начать войну против Речи Посполитой". Czerniak W. Planu..., s. 236.

жение, а затем и военно-политический союз ("завет крепкий") между Россией и Речью Посполитой. Разумеется, прямо он нигде об этом не говорит, но анализ некоторых его высказываний дает косвенные аргументы в пользу этого положения. Так, обращают на себя внимание те высказывания Крижанича, где он выражает свое убеждение в том, что поляки "никогда суть хотели оружия на турков подвигать, но всегда суть с ними мир и добро пророзумение держали". При этом автор не указывает, какими средствами можно было преодолеть такие настроения господствующего класса Речи Посполитой.⁴⁴ Таким образом, Крижанич полагал, что на наступательную войну против Османской империи господствующий класс Речи Посполитой не пойдет, а тем самым исключалось и заключение на этой основе русско-польского союза. Кроме того, по-видимому, Крижанич и не считал в момент написания "Политике" совместные силы России и Речи Посполитой достаточными для ведения успешной войны против Османской империи. Военно-политические возможности Речи Посполитой во всяком случае оценивались им достаточно низко: благодаря порокам своего политического строя Речь Посполитая ослаблена, по его мнению, до такой степени, что не может сохранить свои границы и постепенно утрачивает свои "старые приобретения".⁴⁵ Об этом же говорит и тот факт, что Крижанич явно не включал борьбу за освобождением южных славян от турецкого господства в круг первоочередных задач русской внешней политики. Говоря о тяжелой доле славян, живущих за Дунаем, он сам отмечал, что царь "в садашне тесно время" не может "совершенной поправе пособить" и реально речь может идти лишь о том, чтобы "пригодными разумными книгами оным людем умные очи открыть".⁴⁶

Здесь, однако, закономерно возникает новый вопрос. Если сил России и Речи Посполитой было недостаточно для борьбы с османами, то ведь возможно было планировать их действия, как часть усилий большой анти-османской коалиции европейских государств. Идея создания коалиции "христианских" государств против "неверных" к середине XVII в. была одним из самых распространенных понятий европейской политической мысли, да и сам Ю. Крижанич в записке, поданной им в 1641 г. в "Конгрегацию веры", обещал употребить в Москве свои стариния на то, чтобы добиться присоединения Русского государства к такой коалиции.⁴⁷ Однако в "Политике" подобные проекты вовсе не упоминаются.⁴⁸ Причины такого умолчания становятся ясными, если рассмотреть высказывания Крижанича о тех

⁴⁴ Русское государство..., т. II, с. 132.

⁴⁵ Русское государство..., т. II, с. 305.

⁴⁶ Там же, с. 115—116. Утверждения В. Вальденберга, что Крижанич считал близким и реальным делом победу над турками и завоевание Константинополя (Государственные идеи..., с. 331), не подтверждаются текстом, на который он ссылается. В нем говорится лишь, что и в случае завоевания им Константинополя русский царь не должен принимать титул римского императора (Польшака).

⁴⁷ Об этом ранем проекте Крижанича см.: Golub J. Biografska pozadina Križanićevih djela — In. Život i djela Jurja Križanića. Zagreb. 1974, s. 39—44.

⁴⁸ На эту особенность политических концепций Крижанича специально обращали внимание В. Вальденберг (Государственные идеи..., с. 334—335), а за ним А. Л. Гольдберг (Goldberg A. L. Juraj Križanić..., s. 274).

европейских государствах, которые могли бы быть союзниками России и Речи Посполитой в такой коалиции. Как полагали современники и как показало реальное развитие международной обстановки в последних десятилетиях XVII в., наиболее заинтересованными в борьбе с османами и создании антиосманской коалиции из всех европейских государств были Венеция и Австрия. Что касается Венеции, то Крижанич в "Политике" прямо предостерегает против союза с этим государством против османов ввиду крайней ненадежности союзника: этот союз венецианское правительство использует в своих узких интересах — оно постарается поглубже вовлечь Россию в войну, а затем бросит ее, заключив в подходящий момент мир с султаном.⁴⁹ Возможность антиосманского союза с Габсбургами Крижанич не рассматривает, но показательны его высказывания о политике Габсбургов в вопросе о заключении русско-польского союза. В целом ряде мест своего главного труда Крижанич настойчиво повторяет утверждение, что немцы мешают дружбе и согласию между русскими и поляками. Некоторые из этих высказываний даны в очень общей форме,⁵⁰ так что под "немцами" можно было бы иметь в виду шведов, которых писатель неоднократно обозначает этим термином, но другие — более определенный, и легко позволяют установить, какое государство и каких политических деятелей Крижанич имеет в виду. Так, обращает на себя внимание его утверждение, что иноземцы, предлагая "мар чинить между нами", используют свое посредничество, чтобы "сеять незгуду".⁵¹ Нетрудно видеть, что здесь имеются в виду австрийские дипломаты, выступавшие посредниками на мирных переговорах между Россией и Речью Посполитой.⁵² Наконец, всякие сомнения устраняет место, где Крижанич прямо говорит, что "немцы, которые называют себя римскими императорами", препятствуют русско-польскому сближению потому, что "с давних пор стремятся сами овладеть Польским королевством".⁵³ С этой группой суждений достаточно определенно характеризующих Габсбургов, как политических деятелей, ведущих враждебную по отношению к Русскому государству политику, следует сопоставить еще одно весьма выразительное место: немцы ненавидят московитов, так как не сумели овладеть их государством и подчинить их своей власти, как они это сделали с венграми и чехами.⁵⁴ Естественно, что с государством, политики которого получали на страницах его труда подобную характеристику Крижанич никак не мог рекомендовать заключать какие-либо серьезные соглашения и союзы.

Наконец, можно указать еще одну и, как представляется, главную причину, по которой Крижанич никак не мог быть сторонником участия России и Речи Посполитой в одной анти-османской коалиции вместе с Габсбургами. Крижанич не мог не понимать, что в конкретной действительности второй половины XVII в. успехи такой коалиции означали бы укрепление власти Габсбургов над славянскими

⁴⁹ Политика..., с. 167—168.

⁵⁰ Русское государство..., т. II, с. 89.

⁵¹ Политика..., с. 166.

⁵² Так считал уже В. Вальденберг (Государственные идеи..., с. 186—187).

⁵³ Русское государство..., т. II, с. 195.

⁵⁴ Там же, с. 261.

землями, уже находившимися в составе их державы, и распространение их власти на новые славянские земли. Вряд ли такая перспектива могла быть желательной для Крижанича, резко осуждавшего те условия, в которых находились славяне под властью немецких феодалов в державе Габсбургов. Из ряда его высказываний на эту тему наиболее показательным представляется следующее: немцы "чехов, ляхов и хорватов с помощью лжи подчинили своей власти, закабалив их, считают вьючным скотом и ездят на них, как на мулах".⁶⁵ Саму их власть над славянами хорватский мыслитель характеризовал как "ярм немецкий".⁶⁶ Содействовать тому, чтобы этот "ярм" стал тяжелее и прочнее, Крижанич, надо думать, не хотел.

В свете сказанного ясно, что первоочередной задачей, стоявшей, по мнению Крижанича, перед Русским государством не была и не могла быть борьба с османами. Локальная война с татарами, идею которой он так настойчиво пропагандировал, была для него прежде всего средством для политического сближения двух соседних славянских государств — России и Речи Посполитой. Так как другого подобного средства Крижанича не знал, ему нечего не оставалось, как поддерживать и в себе и в своих возможных читателях убеждение, что у Османской империи нет серьезных интересов на севере, и она уступит Крым без большого боя.

Если проблема широкой антитурецкой коалиции тем самым фактически снималась с повестки дня, то из этого не следует, что в неопределенно далеком будущем отодвигалось вообще освобождение славянских народов от иноземного господства. Чтобы представить себе, какие пути, по мнению Крижанича, могли привести к их освобождению, следует, как представляется, внимательно проанализировать имеющиеся у него высказывания о перспективах русско-польского союза. Высказывания на эту тему в "Политике" сравнительно немного и это вполне понятно. В те годы, когда Крижанич работал над текстом данного труда, между Россией и Речью Посполитой не было не только союза, но и мира. Естественно, что в таком положении главные усилия писателя были направлены на доказательство необходимости прекратить войну и заключить между государствами выгодный для обеих сторон военно-политический союз. Вопрос же о том, что будет с этим союзом в дальнейшем мог, естественно, присутствовать здесь лишь на втором плане. Однако высказываний, имеющихся в "Политике" все же достаточно, чтобы определить основную направленность взглядов Крижанича по этому вопросу. Для правильного их понимания следует иметь в виду некоторые общие выводы, к которым привел Крижанича анализ политического строя Речи Посполитой и еще более его практического функционирования. Во-первых, хорватский мыслитель определяет положение, сложившееся в этой стране, как "проклятую анархию" (*maledicta anarchia*), которая объективно наносит ущерб всем общественным слоям, в том числе и шляхте,⁶⁷ интересам которой как будто должна была слу-

⁶⁵ Мордухович Л. М. Из рукописного наследия Ю. Крижанича — Исторический архив, 1958, № I, с. 160.

⁶⁶ Русское государство..., т. II, с. 115.

⁶⁷ "У ляхов или один стан людей не может быть своим жребием доволен" — Политика, с. 204.

жить созданная в Речи Посполитой система политического устройства. Анархия, в свою очередь, привела, по его мнению, к фактической утрате Речью Посполитой национальной государственности, к переходу государственной власти в руки "инородных кралев",⁵⁸ а политика этих "кралев" в свою очередь стала одной из причин застоя в Речи Посполитой "инородников", прежде всего немцев, которых здесь едва ли не больше, чем самих поляков.⁵⁹ При этом Крижанич специально подчеркивает тесную связь между "своевольством" — анархией, "чужевладством" и засильем иноземцев — "чужебесием".⁶⁰ Во-вторых, он полагал, что поляки не в состоянии сами избавиться от пороков своего политического строя, и нуждаются для этого во внешней помощи.⁶¹

Такую помощь Речь Посполитая может получить только со стороны Русского государства.⁶² Ряд высказываний Крижанича позволяет достаточно ясно представить себе, какого рода помощи он имел в виду, саму эту помощь он определяет словами "посилкок, поправа и народное осветление".⁶³ Если, например, термин "посилкок" может означать, а иногда прямо и означает материальную помощь (войском, деньгами и др.), то "народное осветление" не может означать ничего иного, как просвещение, определенное идейное воздействие на польское общество. Благоприятные условия для такого воздействия должны были возникнуть с заключением русско-польского союза.⁶⁴

О направленности такого воздействия, можно заключать лишь от "противного" — от перечисления плачевного состояния славян, которым царь должен "привернуть разум": "нужь своих прелютых не чують, коя терпят от инородников, и остыды окальные не познавают, но радуются в ней и сами ея ищут, то есть еже инородных господарев и кралев сама на ся запрашают".⁶⁵ Упоминание (в настоящем времени) о приглашении на престол "инородних господарев" говорит, что эта характеристика прямо имеет в виду господствующий класс Речи Посполитой добровольно выбравший на польско-литовский трон представителей шведской (по происхождению) династии Ваза. "Народное осветление" должно было открыть ему глаза на анти-национальный и анти-славянский характер такой политики, пробудить в нем национальное и славянское самосознание, а это в свою очередь должно было привести к важным изменениям в сфере русско-польских отношений. Какие изменения Крижанич имел в виду и каким путем должна была быть достигнута их реализация, позволяет судить следующее место из "Политики": »Nailucze bi bilo, dabi nine car... otaien zawet uczinil z nekoymi Lechimi na

⁵⁸ О взглядах Крижанича на характер государственности в Речи Посполитой см. подробнее: Frančič M. Juraj Križanič..., s. 118.

⁵⁹ Политика, с. 147, 169—170.

⁶⁰ См. об этом Вальденберг В. Государственные идеи..., с. 132.

⁶¹ Поляки "сами себе пособить не могут, но извонский посилкок им есть потребен" (Русское государство..., т. II, с. 116.).

⁶² Русское государство..., т. II, с. 173.

⁶³ Там же, с. 116.

⁶⁴ "Сей посилкок, поправу и народное осветление ты, царю, можешь легко ляхом учинить: токмо аще з вилами едво крепко завецание учинишь" (там же).

⁶⁵ Русское государство, т. II, с. 115.

ksienilasiu siebie ne zasidat slobodam nyichowim.⁶⁶ Первое, что обращает на себя внимание, что "завет" — договор, который Крижанич предлагает царю заключить с поляками, почему-то — "тайный" и может быть заключен лишь с "некоторыми" поляками (следовательно, не со всеми). Все это становится податнее при рассмотрении последующих слов, в которых раскрывается содержание соглашения. Употребленный здесь Крижаничем термин "ксениласия" (и его славянский эквивалент — "гостогонство") встречается в "Политике" очень часто и обозначает целый комплекс мер, направленных на изгнание чужеземцев из страны. В данном случае, естественно, имеется в виду изгнание чужеземцев из Речи Посполитой.⁶⁷ Так как главными лицами среди живущих в Польше чужеземцев были (в представлении Крижанича) члены династии Ваза, то очевидно, что "ксениласия" должна была привести к освобождению польского королевского трона. Участие царя в этом соглашении позволяет ставить вопрос, что за "ксениласией" должно было последовать возведение на этот трон царя, или кого-либо из членов его семьи, как "славянского" государя. В пользу такого понимания прямо говорит конец фрагмента, где указывается, что частью договора должно быть обязательство царя не посягать на польские "свободы". Естественно, что такое обязательство могло потребоваться от царя именно в связи с вступлением его или кого-либо из его родственников на польский трон. Все эти перемены должны были быть осуществлены в результате "тайного" соглашения царя с той частью господствующего класса Речи Посполитой, которая под воздействием с русской стороны осознала бы необходимость изменений прежней ненациональной — политики.

Такое высказывание у Крижанича — уникально, но убеждение в том, что польско-русской союз должен привести к установлению династической унии, хорватский мыслитель выражал в своих сочинениях неоднократно.⁶⁸ Ряд высказываний на эту тему как в "Политике", так и в более позднем "Толковании исторических пророчеств" позволяет уточнить, при каких условиях, по Крижаничу, такой результат мог быть достигнут.

Во-первых, по его мнению поляки "легче и скорее" согласятся принять на королевство "господаря благоверного царевича", если в Русском государстве будет осуществлена предложенная им программа преобразований, в частности, оформлены особыми законодательными актами сословные права дворянства.⁶⁹ Во-вторых, для него са-

⁶⁶ *Политика...*, с. 85.

⁶⁷ Нельзя согласиться с М. Франчицем, который предполагает, что в данном месте речь идет об обязательстве царя изгнать чужеземцев (автор не поясняет откуда?) *Francić M. Juraj Križanić...*, с. 118.

⁶⁸ Представляется, поэтому, не совсем верным утверждение М. Франчица, что Крижанич говорит прежде всего о мире и союзе, а не об унии (*Francić M. Juraj Križanić...*, с. 118).

Не стоит, думается, противопоставлять эти понятия. Разумеется Крижанич прежде всего говорит о союзе, но при этом имеется в виду, что он должен привести к унии (*si habuissimus concordiam et fedus cum Lechis iam pridem aliquis ex genere nostrorum serenissimorum imperatorem fuisset factus rex Lechorum* — Русское государство..., вып. II, с. 198).

⁶⁹ *Политика...*, с. 254. Ср. Мордузович Л. М. Из рукописного наследства..., с. 113

мо собой разумеется, что Россия (а в том числе и царская династия), пойдя навстречу его советам, должны были бы принять "католическую" единственно верную, по его убеждению, веру, чем также устранялось бы одно из важнейших препятствий на пути к унии. В "Толковании исторических пророчеств" он прямо выражал свое убеждение, что "была бы юже Литва и Польска за великими государи рускими, аще не бы церковный раздор пачи".⁷⁰

Разобранные выше высказывания Крижанича дают, как будто, формальное основание для заключения, что уния должна была сопровождаться лишь изгнанием "чужеземцев", а политический строй Речи Посполитой остался бы неизменным. Такой вывод находился бы, однако, в резком противоречии с самим содержанием концепции Крижанича, для которого именно политическое устройство Речи Посполитой было главным источником всех зол в ее жизни. Уже это обстоятельство позволяет предполагать, что политическое "просвещение" польского общества, занимающее такое важное место в реконструкциях Крижанича, должно было включать, как важную составную часть, критику политических институтов этого государства. Некоторые дополнительные данные в этом отношении позволяют дать анализ тех разделов "Политики", где содержатся сравнительные характеристики государственных порядков Русского государства и Речи Посполитой. Фактическая аргументация Крижанича по этому вопросу была подробно рассмотрена В. Вальденбергом при характеристике отношения хорватского мыслителя к разным формам государственного устройства.⁷¹ Однако вопрос о связи этих текстов с конкретными политическими планами Крижанича, их адресате и назначении исследователь не ставил, между тем и некоторые прямые указания мыслителя, и сама литературная форма его рассуждений позволяют сделать некоторые наблюдения на этот счет.

Что касается главного из рассуждений Крижанича, сохранившегося в двух несколько отличных друг от друга редакциях ("Яко Руское владение есть луче от ляцкого"⁷² или "Какое Руское самовладство есть многим честнее от ляцкого своевольства"),⁷³ то прямое указание автора не оставляет сомнений, что перед нами проект речи, которую советник царя должен читать перед русским "народным сеймом", т. е. данный текст предназначен для русского слушателя и читателя, а "ляцкое своевольство" играет здесь роль отрицательного примера, доказывавшего необходимость сильной центральной власти. Существенно иначе как представляется, обстоит дело с двумя другими текстами. Один из них — диалог (явно воображаемый, хотя Крижанич выдает его за действительный) между поляками и русскими относительно выборов на польский трон: русский критикует этот порядок, который постоянно приводит к возведению на польский трон чужеземцев, а поляк защищается. Уникальная особенность этого диалога заключается в том, что в финале выступает "мудрый и старый поляк", который говорит о том, что польские

⁷⁰ Крижанич Ю. Собрание сочинений..., вып. 2, с. 54.

⁷¹ Вальденберг В. Государственные идеи Крижанича..., с. 175 и сл.

⁷² Политика..., с. 200 и сл.

⁷³ Русское государство..., т. II, с. 300 и сл.

порядки не только не позволяют надеяться на выбор на трон поляка, но способствуют моральному развращению и продажности самих польских "властителей".⁷⁴ Такая особенность диалога представляется не случайной и позволяет видеть в нем текст, имеющий в виду польского читателя, возможный образец одного из тех сочинений, которые могли бы, по мнению Крижанича, убедить польско-литовскую шляхту (или по крайней мере, ее часть) решиться на "ксениласию".

Еще более интересный материал для наблюдений в этом плане дает помещенный в заключительной части "Политики" "Диалог Хервой Русина с Казимиром Ляхом".⁷⁵ Диалог, к сожалению, не имеющий определенного окончания (может быть, работа над ним не была завершена?) открывается крайне интересными признаниями Казимира, что Речь Посполитая фактически утратила независимость и стала "игралом немцев" из-за "проклятой анархии". Более того, Казимир утверждает, что пока продолжается анархия, нельзя надеяться на какие-либо исправления. Вместе с тем он высказывает свои сомнения по поводу некоторых особенностей русских государственных порядков и норм. Общее построение высказываний Казимира создает впечатление (хотя прямо об этом не говорится), что перед нами человек измученный анархией, сознающий ее вред и готовый принять русские порядки, лишь некоторые стороны которых вызывают его возражения. Дальнейшее развитие диалога заключается в том, что Хервой пространно опровергает возражения Казимира. Образ Казимира в диалоге может служить хорошей конкретной иллюстрацией к общим положениям Крижанича о польских "властителях", которые должны осознать (а отчасти и осознают) вред анархии, приведшей к утрате Речью Посполитой своей самостоятельности. Вместе с тем конкретное содержание и направленность диалога служат, как представляется, весомым аргументом в пользу того, что сближение между Речью Посполитой и Россией, по мнению Крижанича, должно было привести в конце концов к адаптации господствующим классом Речи Посполитой русских государственных порядков (разумеется, перестроенных в соответствии с рекомендациями хорватского мыслителя). Об этом же прямо свидетельствует и одно важное место в "Политике", смысл которого уже был правильно раскрыт В. Вальденбергом при характеристике отношения Крижанича к разным формам государственного устройства.⁷⁶ Определяя сильную центральную власть, как "философский камень", исцеляющий все политические болезни, Крижанич далее указывал, что Речь Посполитая может быть избавлена от своих недугов лишь этим "камнем" (*nullo alio nisi hoc lapide*), а это в свою очередь может произойти лишь в союзе и под покровительством русских государей.⁷⁷ Оба эти государства, объединяющие народы, близкие в этни-

⁷⁴ Полксыжа ..., с. 161—163.

⁷⁵ Русское государство ..., т. II, с. 305 и сл.

⁷⁶ Вальденберг В. Государственные идеи ..., с. 171.

⁷⁷ Русское государство ..., т. II, с. 173; *Polymnia* »*politicis morbis ad extremum periculum vitae redacta, ut nullo alio nisi hoc lapide sanari possit. Hunc autem non potest alibi acquirere, nisi in federe et protectione serenissimorum regum Russiae.*

ческом отношении, с одним вероисповеданием и сходным политическим устройством, в тесном военнополитическом союзе и под властью одной династии, должны были стать центром "просвещения" славянских народов и опорой их освободительной борьбы против "скифского ига" и "немецкого ярма".

Вопрос о соотношении системы взглядов Крижанича с представлениями и концепциями его русских современников должны быть предметом особого исследования. Здесь хотелось бы лишь отметить, что для ответа на него необходимо прежде всего выяснить разделяли ли русские политики те общие положения, которые лежали в основе конкретных политических рекомендаций хорватского мыслителя.

B. N. FLORJA

JURAJ KRIŽANIĆ O VANJSKOJ POLITICI RUSKE DRŽAVE

Sažetak

Ova tema nije zauzimala važno mjesto u istraživanjima života i djela Jurja Križanića. Istraživače 19. st. hrvatski mislilac obično je zanimao s dva aspekta: kao predstavnik »slavenske ideje« i kao smjeli kritičar života ruskoga društva. Osobito ih je zanimalo pitanje da li je Križanić bio slavenski patriot ili katolički misionar, a manje sustav njegovih pogleda.

Autor se kritički osvrće na ta istraživanja, a svom radu postavlja cilj: rekonstruirati (u svim njihovim proturječnostima i složenosti) poglede Jurja Križanića na zadaću ruske države u drugoj polovici 17. st. i konkretne putove koji vode ostvarenju te zadaće. Posebno je posvećena pažnja motivima koji su hrvatskog mislioca naveli da predlaže ruskoj vladi ove ili one zadaće i mjere. U radu se razmatra odnos Rusije s glavnim zapadnim i južnim susjedima: Švedskom, Turskom i Poljskom.

Križanić savjetuje da se čuvaju mir i dobrosusjedski odnosi. Često zapada u proturječnosti. Govoreći o nužnosti mira sa Švedanima, istovremeno tvrdi da je udaljenost od Baltičkog mora ozbiljna prepreka na putu historijskog razvoja slavenskih naroda. Ta se proturječnost može lako objasniti ako se ima na umu da je Križaniću, hrvatskom rodoljubi, glavna borba s Turskim Carstvom, ali je političaru Križaniću jasno da je nemoguće voditi borbu na više frontova.

Glavno mjesto u vanjskopolitičkoj koncepciji Jurja Križanića zauzima ideja o rusko-poljskom savezu koji bi mogao dovesti do unije. O tome raspravlja na više mjesta u *Politici*. Taj je savez Križanić vidio kao dio antiosmanske koalicije evropskih država. Obje te države u tijesnom vojno-političkom savezu trebale bi biti centrom prosvjeđivanja slavenskih naroda i osloncem njihove oslobodilačke borbe protiv »inozemaca« (»čuzezemaca«) i protiv tuđinskog jarma.

Pitanje odnosa Križanićevih pogleda i koncepcija njegovih ruskih suvremenika predmet je posebnog istraživanja.